

Пожилой мужчина, сидевший за чайным лотком и запивавший вином испуг, помахал Линь Жужаню и с таинственным видом продолжил сплетничать: «Моя старуха сегодня утром тоже ходила смотреть. Ещё издалека увидела — ступени перед воротами Дома Фань были залиты тёмно-лиловой кровью. Жуть, да и только!»

Линь Жуань вспомнил о вчерашних указаниях А Цзю и мгновенно выстроил в голове всю цепочку событий. Растерявшись, он крепче прижал к груди свёрток с лекарственными травами и застыл на месте, словно в столбняке, на добрых полчаса, прежде чем сумел взять себя в руки и с обычным выражением лица поспешить обратно в постоянный двор Цзюйлянь.

По дороге он твёрдо решил: учитель ни в коем случае не должен узнать о делах семьи Фань!

Авторское примечание:

История семей Жуань и Фань наконец-то завершена.

Оглядываясь назад, вижу: объём текста вырос как минимум вдвое по сравнению с первоначальным планом _ (‘□□ <)_

Но я уверен, что все эти лишние слова — сплошная сладость, одна сладость!

Ладно, следующий отрезок. Постараюсь сдержаться в объёмах, иначе когда же они, наконец, отправятся на «огненное кладбище» в погоне за женой?

Не отличавшийся стойкостью к алкоголю Лянь Циншань на своей Церемонии омовения рук в золотом тазу пил от души, что напрямую привело к сильнейшему опьянению. В результате он целые сутки пролежал в постоялом дворе в глубоком похмелье, пропустив множество интересных событий, произошедших днём и ночью, и ничего не зная о том, как его ученики с трудом пережили этот изматывающий день.

И всё же, едва открыв глаза, он интуитивно почувствовал неладное.

Первым, что показалось ему странным, был Линь Жуань, вошедший с тазом для умывания. Судя по жирному блеску на его губах, парень только что плотно покушал и даже не удосужился вытереть рот.

Однако Школа Бэйван всегда славилась бережливостью (в основном из-за бедности), и обычно их пища была простой и постной. Лишь на вчерашнем пиру все могли вдоволь наесться. Но с тех пор прошла уже целая ночь — неужели жир на губах не стёрся об подушку во время сна?

С другой стороны, Лянь Циншаню не верилось, что его ученик мог тайком устроить себе пиршество. Он мысленно пересчитал трижды все деньги, взятые в поездку, и никак не мог обнаружить лишних средств, которые позволили бы ученикам безудержно объедаться. Будь казна Школы Бэйван столь щедрой, зачем бы им было полагаться на поддержку брата Фаня для проведения Церемонии омовения рук?

— Учитель, вы наконец проснулись! Вы пролежали без сознания целый день. Вам нехорошо? Умойтесь для свежести.

Лянь Циншань кивнул, не заметив в Линь Жуане ничего подозрительного, и решил, что это либо его собственная мнительность, либо последствия похмелья. Взяв таз, он засучил рукава,

умылся и привёл себя в порядок.

Почувствовав себя немного бодрее, он спросил:

— А где твой старший брат-ученик? Пусть придёт ко мне. Теперь он исполняет обязанности главы школы, мне нужно кое-что ему поручить.

— Старший брат он... — начал Линь Жуань.

Старший брат-ученик тяжело ранен и лежит в постели, прийти не может.

Линь Жуань не отличался красноречием. Хотя утром, заедая стресс вкусной едой с другими учениками, они и придумали правдоподобную историю для учителя, в решающий момент от волнения у него вспотели ладони, закружилась голова, и он напрочь забыл все заготовленные слова.

Что же делать?

— Учитель, вы уже поднялись? Можно войти? — вовремя подоспела на помощь младшая сестра-ученица Цзян Юньцюэ, сладко постучав в дверь с утренним приветствием.

Лянь Циншань всегда считал Цзян Юньцюэ своей любимицей. Услышав, что она с утра пришла навестить его, он был тронут её почтительностью.

— Это Юньцюэ? Входи.

Цзян Юньцюэ вошла, неся чайник. Переступив порог, она украдкой подмигнула Линь Жужаню, давая понять, что всё под контролем, затем ловко заварила чай, подала его учителю и справилась о его здоровье. Беседуя с учителем, она между делом как бы невзначай упомянула: «Семья Фань оказалась уж больно гостеприимной, настояла, чтобы старший брат-ученик остался у них на ночь, обсудить, как нашли младшего сына Фаня. Старший брат, желая соблюсти приличия, вынужден был послать весть, что задержится, и до сих пор не вернулся».

Её объяснение звучало вполне разумно, и Лянь Циншань не заподозрил ничего плохого. Чу Гаотянь был его способнейшим учеником, всегда действовал осмотрительно и никогда не доставлял хлопот. Однако...

Попивая чай чашку за чашкой и уже чувствуя, как живот наливается тяжестью от обилия жидкости, Лянь Циншань вдруг вспомнил об одном человеке.

— А Шигэ сегодня почему не с тобой?

Чжан Шигэ, старший брат-ученик Цзян Юньцюэ, с тех пор как освоился в Школе Бэйван, стал беззастенчиво ходить за ней по пятам. Где бы она ни появлялась, Чжан Шигэ непременно оказывался рядом.

Почему же сегодня, когда уже выпит целый чайник, его всё ещё нет?

...

В это самое время Чжан Шигэ сидел на кровати с подносом фруктов и наслаждался угощением. Говорят, больным не следует есть жирного, поэтому утреннего пира ему не досталось. К счастью, братья и сёстры-ученики о нём позаботились и заранее оставили ему свежих фруктов — и вкусно, и сытно. Чжан Шигэ с удовольствием отправлял в рот

виноградинку за виноградинкой, думая, что в Павильоне Ушоу с ним бы так не возились.

Съев гроздь винограда, Чжан Шигэ вспомнил, на чьи деньги куплены эти фрукты, почувствовал неловкость и поумерил свой восторг.

Он был прав: окажись он сейчас в Павильоне Ушоу с такой «пустяковой» раной, от которой не умирают, — никто бы о нём так не заботился. Но дело не только в нём — даже сам глава павильона не мог рассчитывать на подобное отношение.

Во-первых, практики Павильона Ушоу слишком ядовиты, и в случае ранения состояние адепта сильно отличается от обычного человека, так что рядовые лекари ничем не помогут. Во-вторых, физическое и душевное состояние всех прежних глав павильона было неустойчивым, и непослушный пациент, который в любой момент мог взбунтоваться и убить, не поддался бы даже самому искусному врачу. В-третьих, глава павильона — высшая фигура, воплощение страха для всех в павильоне, и он не может позволить себе показать слабость. Более того, глава павильона и его Призрачный Дьявол обычно носят маски именно для того, чтобы скрыть своё состояние от внутренних и внешних наблюдателей.

Только старейшины павильона способны заметить, что под маской скрывается уже новый человек.

Лишь нынешний глава павильона Жуань вздумал пренебречь всеми правилами и поступать, как ему вздумается. Более того... он убил Ся Лана.

Ся Лан, Ся Лан...

Чжан Шигэ покачал головой, сожалея о молодом главе их Павильона Ушоу.

Он, конечно, знал, что Ся Лан не был хорошим человеком и даже давно питал предательские мысли. Такого человека нельзя было оставлять в живых. Но именно у Ся Лана была одна причина, по которой он должен был жить.

Ведь Ся Лан был не только доверенным лицом старого главы павильона, но и его личным лекарем.

Он осмелился столь открыто действовать наперекор воле главы, вероятно, полагаясь на своё уникальное положение и незаменимость.

Всех старейшин Павильона Ушоу можно было убить, но только Ся Лана глава павильона не мог убить так просто. Убийство Ся Лана означало бы перерезать себе путь к отступлению. Если в будущем глава павильона получит ранение или заболеет, в мире больше не будет никого, кто смог бы его вылечить.

Чжан Шигэ взял с подноса яблоко и откусил. Он подумал, что, вероятно, даже Ся Лан не ожидал, что глава павильона Жуань проявит такую решительность. Ведь старый глава павильона, которого знал Ся Лан, был тем ещё старикашкой, мечтавшим выпросить у небес ещё пятьсот лет жизни, и скорее бы лелеял своего лекаря, чем убил.

Сравнивая это, Чжан Шигэ понял, что глава павильона Жуань был на редкость милосерден к своим подчинённым. Три года назад, когда его отправили из Павильона Ушоу в Школу Бэйван и оставили без внимания, он думал, что глава павильона либо считал его бесполезным, либо сомневался в его преданности. Но теперь он понял, что дело, видимо, не в этом.

Так зачем же он отправил его сюда?

...

Пока Чжан Шигэ наслаждался едой и размышлял, в комнате Лянь Циншаня Цзян Юньцюэ нашла ответ на вопрос учителя:

— Старший брат Чжан отправился зарабатывать деньги!

Лянь Циншань: «...»

Он не только поверил, но и почувствовал глубокую вину, размышляя о том, как трудно приходится этим детям с таким бесполезным учителем, как он.

Пока Лянь Циншань допивал чай, за дверью снова постучали — ученики принесли завтрак. Видя, как все они ведут себя послушно и с заботой, Лянь Циншань был глубоко тронут и не мог не вспомнить прошлое.

Три года назад весной они с учениками, неся корзины за спиной, отправились в горы копать бамбуковые побеги. Ещё не успев ничего найти, на полпути в гору они наткнулись на полуживого Чжан Шигэ. Раз уж этот человек лежал без сознания на их территории, ученики Школы Бэйван не могли оставить его умирать и сразу же отнесли лечить.

<http://bllate.org/book/16258/1462879>